

УДК 950(569.4)+378.4(569.4)

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.039

Исторический опыт создания университетов в Палестине: политические и социокультурные аспекты

Пеньков Владимир Федорович

доктор политических наук, профессор кафедры «Теории и истории государства и права»,
Тамбовский государственный технический университет. Россия, г. Тамбов. E-mail: pvf68@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема создания национальных университетов на палестинских землях. Автор прослеживает полицивилизационные традиции, которые стали основой формирования высшего образования в Палестине. К ним отнесены традиции арабского образования и западное влияние, оказавшие воздействие на палестинские учебные заведения в период Османской империи. В годы британского контроля над Палестиной, как показано в статье, политика администрации была направлена на поддержку отдельных учебных заведений для разных диаспор, что привело к усилению национального размежевания на палестинских землях. После окончания Второй мировой войны формирование собственной национальной модели высших учебных заведений затормозилось в связи с израильской оккупацией значительной части территории Палестины. Даже после открытия в 1970-е гг. первых палестинских университетов они находились под жестким контролем израильской администрации. Важной особенностью этих университетов был их общественный статус, поскольку все они формировались различными местными сообществами и нельзя было говорить о том, что какая-то одна политическая группировка или идеологическая концепция господствовала во всей системе высшего образования. Тем не менее, по мнению автора, высшие учебные заведения Палестины стали важными институтами, которые обеспечивали национальное единство в борьбе за независимость от различных внешних сил и за обретение собственной государственности. В статье обоснован вывод о том, что палестинские университеты сыграли важную роль не только как центры политической социализации, но и как институты, работавшие во имя сохранения национальной идентичности.

Ключевые слова: Палестина, арабское высшее образование, национальные университеты, общественный университет, национальная идентичность.

Введение. Исторически университеты, как социальные институты, с самого момента их создания традиционно играли значительную роль в жизни любого государства и общества. Оценка различных трактовок миссии (или «идеи») университета – чрезвычайно фундаментальная проблема, которой посвящено огромное количество междисциплинарной по своему характеру научной литературы. К ключевым функциям университета специалисты, как правило, относят подготовку квалифицированных кадров для государства; осуществление исследовательской деятельности по актуальным научным направлениям; создание условий для социального лифта с помощью формирования «интеллектуальной» среды, позволяющей формировать и обновлять так называемую «образованную» национальную элиту; накопление, сохранение и трансляцию в общество национальных ценностей; вклад университета в социально-экономическое развитие территории присутствия; презентацию внешнему миру национальных достижений благодаря открытости высшего образования [4; 34]. В современных условиях дискуссии о миссии и моделях университетов приводят ученых к размышлениям о необходимости расширенного понимания не только их функций, но еще и субъектности самого университета как корпорации, вовлеченной в том числе и в политический процесс. Очевидно, что университет можно и нужно рассматривать как часть политической системы того или иного государства [14; 15; 24].

В этой связи вызывает интерес национальный опыт деятельности университетов в контексте их отношений с внешним социо-политическим окружением. В качестве предмета исследования в данной статье выбран «палестинский случай». Такой выбор обусловлен тем, что в современной Палестине, не имеющей государственности в полном объеме, университеты представляют собой особый феномен. По сути, они долгое время выполняли функцию одного из основных инструментов политической и национальной интеграции. В каких условиях формировалась высшая школа Палестины? Насколько исторический опыт развития палестинских университетов отражает общемировые тенденции и национальные запросы? Помо-

гают ли палестинцам их понимание «миссии университета» преодолевать вызовы современности? Постановка исследовательской проблемы, на наш взгляд, коррелирует с представленной в историографии интересной точкой зрения, которая изложена в публикации палестинского исследователя Халида Шибиба. Он рассматривает историю высшего образования на палестинских землях в контексте борьбы между двумя нарративами – политическим сионизмом и палестинизмом, оценивая их в качестве идейного основания продолжающегося конфликта в регионе. По его словам, «политический сионизм интерпретирует религиозную и культурную принадлежность евреев мира к Палестине как политическую данность». Палестинизм, напротив, опирается на убеждения в принадлежности народа Палестины к своей стране с древнейших времен. Оба концепта, утверждает Шибиб, самым непосредственным образом связаны с высшим образованием. Если политический сионизм в Палестине был в значительной степени продуктом образования, то палестинизм был «не продуктом системы образования или высшего образования в Палестине, а его создателем» [36, pp. 22–23].

Колониальный опыт. Говоря о палестинском высшем образовании, следует, конечно, учитывать, что оно формировалось в контексте общемировых тенденций. Главная из них – своеобразная «национализация» университетов, игравшая заметную роль уже в период создания первых университетов в Европе. Очевидно, именно национальные государства, поддержавшие их появление, рассматривали высшее образование (и прежде всего университеты) в качестве механизма, обеспечивающего собственное политическое и социально-экономическое развитие, и важнейшего социального института, ответственного за сохранение национальных ценностей, которые базируются на знании по национальной истории и культуре [1, с. 109–111; 31, pp. 104–105].

Для Палестины, как части арабского и мусульманского мира, логика тесной взаимосвязи образования с интересами государства была вполне естественной. Более того, в силу исторических и политических особенностей развития Палестинской государственности данный подход оказался принципиально важным даже для наших дней. Неслучайно, что среди политических приоритетов развития на 2021–2023 гг. правительство Палестины наряду с обретением полного суверенитета выделяет необходимость «сохранения национальной идентичности и культурного наследия на основе палестинского нарратива» [37].

Оценивая историю образования на землях Палестины, следует учитывать своеобразный полицивилизационный контекст его развития, поскольку на этих землях издревле сосуществовали великие культуры иудеев, мусульман и христиан. Каждая из них, бесспорно, отражалась в образовательном опыте. Тем не менее ключевые образовательные тренды средневекового Ближнего Востока были связаны с традициями арабского мира и ислама. Под этим влиянием на всех ступенях образования были прочно закреплены прежде всего религиозные дисциплины (толкование Корана, интерпретация устных преданий о жизни Мухаммеда, мусульманское право). Однако уже тогда свое место в образовательном пространстве получили арабская филология, риторика, логика, математика, астрономия, медицина. Преподавались и философские концепции, идущие в основном от Аристотеля, главные сочинения которого были переведены и прокомментированы философами арабского Востока в IX–XII вв. В целом это был довольно широкий и прогрессивный для того времени образовательный контент [39–41]. Указанные исторические особенности развития образования на палестинских землях не утратили своего значения и в наши дни.

В новейшее время в палестинское образование стали активно проникать европейские традиции. Они поддерживались усилившимся на рубеже XIX–XX вв. процессом вестернизации, затронувшим в том числе и Османскую империю, частью которой были тогда палестинские земли. После окончания Первой мировой войны Ближний Восток перешел под политический контроль европейских держав, это еще сильнее укрепило указанный процесс. В соответствии с мандатом Лиги Наций, принятом 24 июля 1922 г., управление Палестиной было передано Великобритании. 15 статья этого мандата частично касалась проблем образования, закрепив «право каждой общины содержать свои собственные школы для обучения своих членов на своем родном языке при соблюдении таких общих требований к образованию, которые может установить Администрация» [32]. На деле данное положение было направлено главным образом на реализацию известной декларации лорда Бальфура (1917 г.), в которой от имени Великобритании была поддержана идея иммиграции евреев в Палестину и создание там «национального очага для еврейского народа». Эта небольшая по объему декларация была интегрирована во все послевоенные международно-правовые акты по урегулированию ситу-

ации на Ближнем Востоке и в дальнейшем стала предметом огромного количества исследований и даже судебных разбирательств со стороны палестинцев [16].

С точки зрения развития модели образования в межвоенный период в Палестине Великобританией применялся, по сути, колониальный подход. Политика администрации была направлена на поддержку отдельных учебных заведений для разных диаспор. Высшее образование для арабской молодежи на подмандатной территории было представлено лишь несколькими небольшими колледжами в Иерусалиме, которые готовили кадры для колониальной администрации и преподавательской деятельности [19, pp. 1039–1040]. При поддержке еврейской диаспоры в 1920-е гг. на палестинских землях были открыты два высших учебных заведения, которые ныне считаются старейшими университетами Израиля: технологический институт в Хайфе («Технион») и Еврейский университет в Иерусалиме. Национальный характер этим университетам придавал даже такой вопрос, как язык обучения. После довольно длительных дискуссий официальным языком в этих университетах стал иврит [30]. Важно заметить, что в период подмандатного статуса палестинских земель британская администрация игнорировала неоднократные просьбы о создании арабского университета в Иерусалиме. Так, в 1937 г. в отчете Палестинской королевской комиссии (комиссия Пиля) выражалось опасение о том, что арабское образование будет неизбежно способствовать росту арабского национализма и палестинского патриотизма, что создаст серьезную и «одну из самых непреодолимых трудностей» для политической ситуации в регионе. В соответствии с рекомендациями комиссии вместо этого предлагалось создать «Британский университет» для всех англоговорящих студентов, открытый также для студентов из-за пределов Палестины [35, p. 134, 344]. Можно говорить о том, что в годы существования подмандатной Палестины произошло очевидное национальное размежевание образовательных учреждений, функционировавших на этой территории, что стало одним из факторов дальнейших дезинтеграционных политических процессов в регионе.

Таким образом, долгое время образование на палестинской земле находилось под контролем сменявших друг друга внешних и, по сути, колониальных администраций: от Османской империи до Великобритании. Все это стало важнейшим политическим фактором, усилившим кризис идентичности арабского населения, проживавшего на данной территории [10].

Первые национальные университеты. Первое окно возможностей для формирования собственной национальной модели учебных заведений всех уровней открылось лишь после окончания Второй мировой войны. 29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН принимает резолюцию о плане раздела Палестины на арабское и еврейское государства с предоставлением особого статуса району Иерусалима. С точки зрения формирования нового образовательного пространства в резолюции подчеркивается не только право каждой общины содержать свои собственные учебные заведения, «в которых члены этих общин могут получать образование на своем собственном языке», но и необходимость обеспечения образовательных прав для арабского и еврейского меньшинства в каждом из создаваемых государств в соответствии с «их культурными традициями» [12].

Однако попытки реализации плана ООН привели, как известно, к резкому нарастанию противоречий в регионе и вылились в открытый военный конфликт между еврейским населением и арабами. В созданном тогда Израиле этот конфликт получил название «Война за независимость», а в арабских странах и среди палестинцев – «Накба» (катастрофа). Конечно, последовавшая с конца 1940-х гг. череда арабо-израильских войн не позволила на палестинских землях заниматься системной работой по созданию собственной системы высшего образования. Да и самих земель, которые контролировались палестинцами, вследствие израильской оккупации становилось с каждым этапом конфликта все меньше и меньше. Сокращалось и число арабов, проживавших в границах Палестины, определенных резолюцией ООН. Арабо-израильский конфликт привел к появлению огромного количества беженцев. К настоящему времени, по оценкам ООН, палестинскими беженцами могут считаться около 4,7 млн человек. В научной литературе проблема перемещенных лиц нашла самое противоречивое отражение [17]. Тем не менее «фактор беженцев» на долгие годы определил важную особенность высшего образования палестинской молодежи: значительная ее часть вынуждена использовать для его получения зарубежные университеты. Учитывая политическую ситуацию, многие государственные арабские университеты предлагали для палестинцев бесплатное обучение [18, p. 81].

Отсутствие собственной государственности, израильская оккупация значительной части территории Палестины после окончания шестидневной войны, массовое переселение пале-

стинцев в зарубежные страны привело к тому, что палестинские лидеры стали осознавать опасность размывания национальной идентичности. Это обстоятельство, конечно, нашло отражение в актуальной для того времени политической повестке. Так, в Палестинской национальной хартии 1968 г. были выдвинуты три ключевых лозунга: «национальное единство, национальная мобилизация и освобождение». Особо была выделена необходимость сохранения «палестинской идентичности», развития национального самосознания и борьбы «против любых планов, которые могут способствовать ее растворению или ослаблению». В связи с этим были обозначены и задачи образования, которое «должно быть использовано для того, чтобы знакомить [каждого] палестинца со своей страной в духовном и материальном плане настолько основательно, насколько это возможно» [38]. С принятием Палестинской национальной хартии 1968 г. многие специалисты напрямую связывают начало нового этапа в борьбе за своеобразное «переконструирование» национальной идентичности [25, pp. 116–117].

Свою роль в этом процессе должны были сыграть «собственные» высшие учебные заведения. Начало этому процессу было положено еще в 1950-е гг., когда на палестинских землях было открыто несколько колледжей с двухлетним периодом обучения. Как правило, они специализировались на педагогическом или техническом образовании. В 1970-е гг. начинают создаваться и первые палестинские университеты, которые географически располагались на западном берегу реки Иордан или в Секторе Газа. Их появление было связано с новыми политическими реалиями. Израильские власти, которые после шестидневной войны стали контролировать всю территорию Палестины, стали жестко ограничивать выезд арабской молодежи за границу. В свою очередь Египет и Иордания по ряду обстоятельств пытались сократить наплыв палестинцев на свои территории. Все это делало актуальным открытие высших учебных заведений на оккупированных землях. Тем более что образование традиционно стояло на одном из самых высоких мест в шкале ценностей палестинцев [13, с. 126]. В этих условиях и был запущен процесс формирования собственного университетского пространства, что имело для Палестины огромное значение. В 1970-е гг. были открыты 5 университетов: Хевронский университет (1971), Бирзейтский университет (1972), Вифлеемский университет (1973), Национальный университет Ан-Наджа (г. Наблус) (1977) и Исламский университет (сектор Газа) (1978).

Оценивая миссии этих университетов, следует говорить о том, что все они были нацелены на работу во имя культурного и социально-экономического развития Палестины. Создавались эти университеты, как правило, по инициативе каких-либо гражданских групп и автономно от израильской администрации. Тем не менее все они формировались и развивались по особому пути. Так, Хевронский университет создавался по инициативе группы религиозных деятелей во главе с шейхом Мухаммадом Али Аль-Джабари. Ядром университета стал колледж исламского права, вокруг которого постепенно открывались сначала факультет искусств, а затем и факультеты естественно-научного профиля [9].

Бирзейтский университет начинался с факультета естественных наук, а его создателями стали палестинцы, получившие свои академические степени на Западе. Так, одним из них был христианин, физик доктор Ханна Насер, первый президент Университета. Он учился в еще в Бирзейтском колледже (тогда это была, по сути, средняя школа), степени бакалавра и магистра физики получил в Американском университете Бейрута, а докторскую степень по ядерной физике – в Университете Пердью в США в 1967 г. Вместе с ним примерно по такому же пути шли и другие создатели университета, например, химик Габи Барамки или физик Рамзи Райхан [23].

Вифлеемский университет был открыт как частное высшее учебное заведение, действующее при поддержке католической церкви в так называемой «ласаллианской традиции». Его открытие стало ответом на воззвание палестинских христиан к Папе Павлу VI. Тем не менее католический по своей сути университет стал развиваться как центр высшего образования молодежи в том числе и принадлежащих к религиям. В настоящее время студенты из числа арабских мусульман составляют в Вифлеемском университете даже большинство. Своеобразный «межрелигиозный диалог» рассматривается руководством университета как важнейший аспект его культурной миссии [6].

Национальный университет Ан-Наджа (г. Наблус), ныне один из крупнейших вузов Палестины, формировался как многопрофильное учебное заведение, ориентированное на прикладной характер образования. В нем с самого начала велась подготовка по гуманитарным и педагогическим наукам, экономике и инженерии. Впоследствии этот перечень направлений значительно расширился [8].

Исламский университет (сектор Газа) был создан на базе Религиозного института Аль-Азхар и первоначально включал факультеты шариата и права, факультет основ религии и кафедру арабского языка, которая стала ядром факультета искусств. Затем университет начал сильно расширяться, открыв сначала обучение по педагогическому направлению и коммерции, а затем и по другим специальностям [7].

Всего в этих 5 университетах в 1977–1978 г. по данным независимых европейских экспертов проходило обучение не более 3 тысяч студентов [20, р. 39]. В целом это довольно незначительное число палестинцев, желавших получить тогда высшее образование.

Первая пятерка палестинских университетов развивалась по модели публичных, независимых, некоммерческих и неправительственных объединений. Организация Освобождения Палестины (ООП), претендовавшая с середины 1960-х гг. на роль единственного законного представителя палестинского народа, первоначально по ряду объективных внутри- и внешнеполитических обстоятельств имела крайне ограниченное влияние на создаваемые тогда университеты. Руководство ООП находилось за границей, не прекращались конфликты между отдельными фракциями движения, между центральными органами и региональными отделениями [11, с. 62–86; 39, р. 389]. Тем более что на палестинских землях по сути и не могли тогда существовать какие-либо квазигосударственные институты централизованного управления палестинскими территориями. По воспоминаниям Рамзи Рихана, одного из создателей Бирзейтского университета, он еще в июне 1977 г. выносил на обсуждение Совета профессиональных ассоциаций предложение об объединении всех палестинских университетов. Он вел тогда речь о необходимости единого Палестинского университета с мультикампусной системой функционирования. Однако это предложение не было поддержано и каждый из созданных университетов продолжал развиваться независимо, формируя собственную систему направлений подготовки. Правда, эта конференция приняла важное решение о создании Палестинского Совета высшего образования. В отсутствие палестинского правительства Совет стал первым координирующим органом палестинских университетов, посредством которого распределялось финансирование высшего образования, направляемого из различных зарубежных стран и международных фондов. Однако сам Совет был, по сути, общественной структурой, создаваемой университетскими сообществами. Согласование этой работы, как вспоминает Рихан, «было сложным, и часто институциональные устремления преобладали над национальным планированием». Позднее финансирование было упорядочено по формуле, согласно которой средства палестинским университетам направлялись исходя из таких показателей, как количество и ранг преподавателей и сотрудников, а также количество программ [23, pp. 28–29].

Еще одной исторической особенностью первых палестинских университетов можно считать их тесную связь с региональными политическими, экономическими и интеллектуальными элитами. Зачастую именно представители наиболее авторитетных семей, местные общественные активисты, профессиональные и деловые лидеры брали на себя основное бремя в период создания всех университетов в 1970-х гг. Многие из них играли решающую роль в попечительских советах университетов [39, pp. 396–397].

Университеты Палестины в условиях израильской оккупации. Сразу после открытия новые университеты Палестины с трудом можно признать полностью «национальными», поскольку они оказались под жестким контролем израильской администрации. Их деятельность строго регламентировалась в соответствии с военным приказом № 854 от 6 июля 1980 г. Военные, в частности, строго контролировали ход поступления в университеты, все студенты были обязаны иметь удостоверения личности, выданные районным командующим [27, р. 99].

Обязательных согласований требовали учебные планы, содержательный контент идеологических дисциплин (история, политология) и профессорско-преподавательский состав. Цензуре подвергались учебная и научная литература в библиотеках университетов. Нередкими были примеры приостановки работы палестинских высших учебных заведений по распоряжению военных властей Израиля. Ограничения распространялись на строительство новых университетских кампусов, на получение внешней финансовой помощи, особенно от арабских стран. Университеты были лишены права не платить налог на добавленную стоимость, размер которого достигал 17 %. Другими словами, все это тормозило экономическое и инфраструктурное развитие новообразованных высших учебных заведений [21, pp. 57–58; 26, pp. 264–265; 29, pp. 88–91].

В силу активного подключения студентов к акциям политического протеста в первой половине 1980-х гг. многие из них подвергались арестам. Ситуация еще более обострилась в

связи с началом «первой Интифады». По оценкам специалистов, из числа всех палестинских политических заключенных в израильских тюрьмах 18 % были студентами, практически каждый десятый студент арестовывался хотя бы один раз [18, p. 89; 29, p. 90].

Зачастую репрессиям подвергались преподаватели и представители университетских администраций. Так, практически сразу после создания Бирзейтского университета 21 ноября 1974 г. его первый президент доктор Ханна Насер по распоряжению израильских властей был депортирован в Ливан без предъявления ему каких-либо обвинений. Заявленными причинами были, якобы, его подстрекательства против оккупации. Как вспоминает сам Насер, «единственным “объяснением” этой незаконной акции было заявление в израильской прессе о том, что мы угрожаем безопасности Израиля, заявление, которое Израиль регулярно делал, когда депортировал палестинцев в те годы. Фактически депортация была простым способом избавиться от профессиональных палестинцев, против которых у них не было никаких обвинений, которые могли бы быть предъявлены в суде» [23, p. 30]. Насеру пришлось руководить университетом из специально созданного офиса в Иордании, а его полномочия в Палестине были переданы его сподвижнику Габи Барамки, который был назначен действующим президентом Бирзейтского университета. Еще более критическая ситуация сложилась в Университете Ан-Наджа. В 1980 г. израильские власти не продлили вид на жительство и выслали одновременно президента Мундар Салаха, вице-президент Абед ар-Рахмана, а также трех деканов [39, p. 396].

В начале 1980-х гг. преподавателям университетов, которые имели заграничный паспорт, было предписано подписать заявление о «неподдержке» ООП. В противном случае они не могли получить разрешение на работу. Текст такого заявления гласил: «Настоящим я заявляю, что я полностью воздержусь от совершения каких-либо действий и предложения какой-либо помощи организации, называемой ООП, или любой другой террористической организации, которая считается враждебной Государству Израиль» [21, p. 58]. Поразительна содержательная аналогия данного документа с рядом подобных заявлений, которые разработаны на Западе в русле противоборства с современной Россией в последние годы.

Многочисленные примеры жестких ограничительных мер против академических свобод в палестинских университетах представлены в официальных докладах, которые были подготовлены различными европейскими экспертами, посещавшими палестинские университеты в 1980-е гг. Укажем лишь на то, что довольно подробная фактология на этот счет имеется в материалах, подготовленных профессором Университета Глазго Кейтом Хаммондом, независимой исследовательницей Пенни Джонсон и группой западных юристов [20, pp. 55–56, 64–67; 26, pp. 264–265; 28, pp. 143–150].

То, что университеты оказались одним из эпицентров первой Интифады, стало вполне закономерным результатом. Эту закономерность точно определили в указанном докладе зарубежных юристов о состоянии академических свобод на оккупированных палестинских территориях. По их мнению, между университетами и израильскими властями «существует неоспоримый конфликт интересов. Университеты отражают широко распространенное стремление палестинцев к какой-то государственности; израильские власти выступают против этого стремления. В результате возникших коллизий единственная точка соприкосновения между двумя позициями, которую действительно легко представить, заключается в том, что израильтяне могут быть заинтересованы в замедлении роста этих университетов, в то время как университеты могут быть заинтересованы в том, чтобы казаться пострадавшими» [20, p. 71]. В этом замечании представлена довольно справедливая оценка политической роли палестинских университетов в контексте борьбы за национальный суверенитет. Так, в начале первой Интифады именно студенческие кампусы зачастую имели определяющее значение в мобилизации общественности к массовым протестам [33, pp. 141–143]. Например, кампус Исламского университета в Газе в первые дни демонстраций был доминирующей силой в организации шествий. Как точно подметил израильский ученый И. Зевкович, в период Интифады «лицом Палестины было лицо мальчика [бросающего камни], но ее голос был голосом университета» [39, p. 402].

Израильская администрация, соответственно, возложила на все академические учреждения прямую ответственность за поведение студентов и обнародовала распоряжение о закрытии на неопределенный срок все палестинские кампусы. Это распоряжение действовало вплоть до 1991 г. Важно заметить, что несмотря на такие меры, палестинские университеты стремились выполнять свое академическое призвание: занятия переносились за пределы кампусов, вводились элементы дистантного образования, укорачивались семестры [39, pp. 401–402].

В условиях обострения палестинско-израильского конфликта в 1980-е гг. обозначилась еще одна важная особенность развития высшего образования на палестинских землях. Речь идет о том, что начинают нарастать центристремительные тенденции в деятельности университетов. Прежде всего, следует отметить, что под влиянием ключевых политических акторов Палестины (прежде всего, ООП), создаются три новых университета: Университет Аль-Кудс (1984 г.), Университет Аль-Азхар в Секторе Газа (1991 г.) и Открытый Университет Аль-Кудс (1991 г.). Кроме того, уже после подписания соглашений, известных как «Осло-I» и «Осло-II» (1993 г.), ставших началом нового этапа политической институционализации Палестины, в созданной тогда автономии была сформирована Палестинская национальная администрация и учреждено специальное Министерство Образования и Высшего образования [3, с. 745]. Именно оно с этого момента выступает в качестве органа власти, во многом координирующего общепалестинскую повестку дня работы университетов. Все это в определенной степени изменило дальнейший вектор развития высшего образования на палестинских землях.

Выводы. Исторический опыт развития палестинского высшего образования показывает, что оно впитало в себя социокультурные традиции различных цивилизаций. В нем всегда наглядно проявлялись и проявляются в наши дни не только арабские или исламские, но и западные и даже христианские подходы к подготовке специалистов высшей квалификации. По сути, можно говорить о модели полицивилизационного университета, которая была реализована на палестинских землях в 1970-е гг. На наш взгляд, об этом говорит, например, «общественный» статус первых высших учебных заведений Палестины. Они создавались различными по своему характеру местными сообществами и нельзя было говорить о том, что какая-то одна политическая группировка или идеологическая концепция господствовала во всей системе высшего образования. При этом создание и развитие палестинских университетов стало неотъемлемой частью политического процесса в регионе. В силу отсутствия самостоятельного Палестинского государства именно университеты оказались теми институтами, которые обеспечивали и олицетворяли национальное единство в борьбе за независимость от различных внешних сил и за обретение собственной государственности. Об этом не раз говорили и сами представители первых университетов [22, р. 9]. Данный исторический опыт можно считать, пожалуй, важнейшей особенностью развития высшего образования на палестинских землях. В данном контексте палестинские университеты следует рассматривать еще и как центры политической социализации. Активное участие значительной части профессорско-преподавательского состава и студентов в политической жизни региона (от общественных дискуссий до акций массового протеста в период Интифады) обеспечивало формирование необходимого интеллектуального базиса для продвижения палестинцев к национальной независимости. Университеты Палестины, бесспорно, сыграли определяющую роль и в процессе обретения национальной идентичности. Именно здесь осуществлялась целенаправленная и системная работа по генерированию знаний по «палестинизму» и их трансляции в общество. В этом, несомненно, нашла свое выражение главная политическая и интеллектуальная миссия палестинских университетов в новейшее время.

Список литературы

1. Демченко С. В. Политика высшего образования в Европе и России: общее и особенное // Вестник РУДН. Серия Политология. 2010. № 3. С. 108–122.
2. Джурицкий А. Н. Зарождение высшего образования в Средневековом мире // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1. № 4 (69). С. 36–48.
3. Махмутова М. И. Особенности образования в Палестине в условиях оккупации // Minbar. Islamic Studies. 2019. № 12 (3). С. 743–772.
4. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Минск : БГУ, 2005. 104 с.
5. Официальный сайт Бирзейтского университета. URL: <https://www.birzeit.edu/ar> (дата обращения: 10.08.2023).
6. Официальный сайт Вифлеемского университета. URL: <https://www.bethlehem.edu/aboutbu/> (дата обращения: 10.08.2023).
7. Официальный сайт Исламского университета. URL: <https://www.iugaza.edu.ps/aboutiug/> (дата обращения: 10.08.2023).
8. Официальный сайт Университета Ан-Наджа. URL: <https://www.najah.edu/en/about/history-and-traditions/> (дата обращения: 10.08.2023).
9. Официальный сайт Хевронского университета. URL: <https://www.hebron.edu/index.php/en/about/col2/hu-overview.html>.

10. Пеньков В. Ф., Алфедейлат Ф. Политический режим Палестины в эпоху британской колонизации 1917–1948 гг.: политико-правовой аспект // *Международные отношения*. 2020. № 1. С. 51–60.
11. Рабайя Ф. М. А. Проблема создания палестинского государства на рубеже XX–XXI вв.: акторы, стратегии, перспективы : дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Екатеринбург : Урал. фед. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2021. 179 с.
12. Резолюция ГА ООН от 29 ноября 1947 г. № A/RES/181 (II). URL: [https://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=RES/181\(II\)](https://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=RES/181(II)) (дата обращения: 10.08.2023).
13. Успенская Н. А. Нужен ли палестинцам Университет? // *Концепт: философия, религия, культура*. 2019. № 1. С. 121–130.
14. Фадеева Л. А., Пунина К. А. Университет в региональной публичной политике: российские практики в сравнительной перспективе // *Политическая наука*. 2015. № 3. С. 150–160.
15. Филимонов К. Г. Университеты в политике: к вопросу о перспективах исследования в области политической теории // *Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения*. 2016. Вып. 4. С. 44–55.
16. Шевелёв Д. Л. Декларация Бальфура в современном политическом нарративе // *Восток (Orient)*. 2018. № 6. С. 91–104.
17. Эпштейн В., Урицкий М. Проблема палестинских беженцев: История, историография и политика // *Космополис*. Осень 2003. № 3 (5). С. 63–77.
18. Abu-Lughod I. Palestinian Higher Education: National Identity, Liberation, and Globalization // *Boundary*. 2000. Vol. 2. № 27 (1). Pp. 75–95.
19. Abu-Saad I., Champagne D. A Historical Context of Palestinian Arab Education // *American Behavioral Scientist*. April 2006. Vol. 49. № 8. Pp. 1035–1051.
20. Academic Freedom under Israeli Military Occupation. Report of WUS/ICJ Mission of Enquiry into Higher Education in the West Bank and Gaza / A. Roberts, B. Joergensen, F. Newman. London : World University Service and International Commission of Jurists, 1984. 87 p.
21. Assaf S. Educational Disruption and Recovery in Palestine // *Final Report and Case Studies of the Workshop on Educational Destruction and Reconstruction in Disrupted Societies* / ed. S. Tawil. Geneva : UN Educational, Scientific, and Cultural Organization, 1997. Pp. 51–61.
22. Baramki G. Peaceful Resistance: Building a Palestinian University Under Occupation. New York : Pluto Press, 2010. 219 p.
23. Birzeit University: The Story of a National University / ed. I. Audeh // *Birzeit University Publications*. 2010. URL: https://www.birzeit.edu/sites/default/files/university_publication/Birzeit-University-The-Story-of-a-National-Institution-EN.pdf (дата обращения: 10.08.2023).
24. Coman A., Bonciu C. Universities as Political Institutions // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. March 2015. Vol. 6. № 2. Pp. 9–17.
25. Dabed E. Constitutional Making and Identity Construction in Occupied Palestine // *Confluences Méditerranée*. 2013/3. № 86. Pp. 115–129.
26. Hammond K. Palestinian Universities and the Israeli Occupation // *Policy Futures in Education*. 2007. Vol. 5. № 2. Pp. 264–270.
27. Israeli Military Orders in the Occupied Palestinian West Bank 1967–1992 / by J. Rabah, N. Fairweather. Jerusalem : Media & Communication Centre, 1995. 241 p.
28. Johnson P. Palestinian Universities under Occupation, August – October 1987 // *Journal of Palestine Studies*. Winter 1988. Vol. 17. № 2. Pp. 143–150.
29. Kapeliouk O. The Palestinian Universities under Occupation // *Arab Studies Quarterly*. Spring/Summer 1985. Vol. 7. № 2/3. Pp. 88–91.
30. Kidron A. When Colonialism and Nationalism Meet – but Speak a Different Language: The Case of Haifa during the British Mandate // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2022. Vol. 4. № 4. Pp. 559–579.
31. Kwiek M. Higher Education and the Nation-State: Global Pressures on Educational Institutions // *International Journal of Contemporary Sociology*. April 2008. Vol. 45. № 1. Pp. 104–105.
32. Mandate for Palestine. 1922. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/829707> (дата обращения: 10.08.2023).
33. Meari L., Abu-Duhou R. The Palestinian Student Movement and the Dialectic of Palestinian Liberation and Class Struggles // *The University and Social Justice: Struggles Across the Globe* / ed. A. Choudry, S. Vally. New York : Pluto Press, 2020. Pp. 137–154.
34. Missions of Universities: Past, Present, Future / ed. L. Engwall. Springer, 2020. 238 p.
35. Palestine Royal Commission Report Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. July 1937. London : His Majesty's Stationery Office, 1937. 404 p.
36. Shibib Kh. From Higher Education in Historic Palestine Towards a Pan-Palestinian Higher Education // *Contemporary Arab Affairs*. 2021. Vol. 14. № 3. Pp. 21–54.
37. State of Palestine's National Development Plan: Resilience, Disengagement, and Cluster Development towards Independence (NDP 2021–2023). URL: <https://www.palgov.ps/en/article/296/Public-Policies-2021-2023> (дата обращения: 10.08.2023).

38. The Palestinian National Charter: Resolutions of the Palestine National Council. July 1–17, 1968. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/plocov.asp (дата обращения: 10.08.2023).

39. *Zelkowitz I. Education, Revolution and Evolution: The Palestinian Universities as Initiators of National Struggle, 1972–1995 // History of Education. 2014. Vol. 43. № 3. Pp. 387–407.*

Historical experience of the establishment of Universities in Palestine: Political and Socio-cultural aspects

Pen'kov Vladimir Fedorovich

Doctor of Political Sciences, professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Tambov State Technical University. Russia, Tambov. E-mail: pvf68@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of creating national universities on Palestinian lands. The author traces the policivilizational traditions that became the basis for the formation of higher education in Palestine. These include the traditions of Arab education and Western influence that influenced Palestinian educational institutions during the Ottoman Empire. During the years of British control over Palestine, as shown in the article, the administration's policy was aimed at supporting separate educational institutions for different diasporas, which led to increased national demarcation on Palestinian lands. After the end of World War II, the formation of its own national model of higher education institutions slowed down due to the Israeli occupation of a significant part of the territory of Palestine. Even after the opening of the first Palestinian universities in the 1970s, they were under the strict control of the Israeli administration. An important feature of these universities was their social status, since they were all formed by various local communities and it was impossible to say that any one political grouping or ideological concept dominated the entire system of higher education. Nevertheless, according to the author, the higher educational institutions of Palestine became important institutions that ensured national unity in the struggle for independence from various external forces and for gaining their own statehood. The article substantiates the conclusion that Palestinian universities have played an important role not only as centers of political socialization, but also as institutions that worked for the preservation of national identity.

Keywords: Palestine, Arab higher education, national universities, public university, national identity.

References

1. *Demchenko S. V. Politika vysshego obrazovaniya v Evrope i Rossii: obshchee i osobennoe* [The policy of higher education in Europe and Russia: general and special] // *Vestnik RUDN. Seriya Politologiya – Herald of RUDN. Political Science series.* 2010. No. 3. Pp. 108–122.
2. *Dzhurinskij A. N. Zarozhdenie vysshego obrazovaniya v Srednevekovom mire* [The origin of higher education in the Medieval world] // *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika – Domestic and foreign pedagogy.* 2020. Vol. 1. No. 4 (69). Pp. 36–48.
3. *Mahmutova M. I. Osobennosti obrazovaniya v Palestine v usloviyah okkupacii* [Features of education in Palestine under occupation] // *Minbar. Islamic Studies – Minbar. Islamic Studies.* 2019. No. 12 (3). Pp. 743–772.
4. *Ortega y Gasset H. Missiya universiteta* [The mission of the university]. Minsk. BSU. 2005. 104 p.
5. *Oficial'nyj sajt Birzejskogo universiteta* – Official website of Birzeit University. Available at: <https://www.birzeit.edu/ar> (date accessed: 10.08.2023).
6. *Oficial'nyj sajt Vifleemskogo universiteta* – Official website of Bethlehem University. Available at: <https://www.bethlehem.edu/aboutbu/> (date accessed: 10.08.2023).
7. *Oficial'nyj sajt Islamskogo universiteta* – Official website of the Islamic University. Available at: <https://www.iugaza.edu.ps/aboutiug/> (date accessed: 10.08.2023).
8. *Oficial'nyj sajt Universiteta An-Nadzha* – Official website of An-Najah University. Available at: <https://www.najah.edu/en/about/history-and-traditions/> (date accessed: 10.08.2023).
9. *Oficial'nyj sajt Hevronskego universiteta* – The official website of the University of Hebron. Available at: <https://www.hebron.edu/index.php/en/about/col2/hu-overview.html>.
10. *Pen'kov V. F., Alfedejlat F. Politicheskiy rezhim Palestiny v epohu britanskoj kolonizacii 1917–1948 gg.: politiko-pravovoj aspekt* [The political regime of Palestine in the Era of British colonization 1917–1948: political and legal aspect] // *Mezhdunarodnye otnosheniya – International relations.* 2020. No. 1. Pp. 51–60.
11. *Rabaja F. M. A. Problema sozdaniya palestinskogo gosudarstva na rubezhe XX–XXI vv.: aktory, strategii, perspektivy: diss. ... kand. polit. nauk: 23.00.02* [The problem of creating a Palestinian state at the turn of the XX–XXI centuries: actors, strategies, prospects : diss. ... PhD in Political Sciences: 23.00.02]. Yekaterinburg. Ural. Fed. University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin. 2021. 179 p.
12. *Rezolyuciya GA OON ot 29 noyabrya 1947 g. № A/RES/181 (II)* – UNGA Resolution No. A/RES/181 (II) of November 29, 1947. Available at: [https://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=RES/181 \(II\)](https://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=RES/181 (II)) (date accessed: 10.08.2023).

13. Uspenskaya N. A. *Nuzhen li palestincam Universitet?* [Do the Palestinians need a University?] // *Koncept: filosofiya, religiya, kul'tura* – Concept: philosophy, religion, culture. 2019. No. 1. Pp. 121–130.
14. Fadeeva L. A., Punina K. A. *Universitet v regional'noj publichnoj politike: rossijskie praktiki v sravnitel'noj perspektive* [University in regional public policy: Russian practices in comparative perspective] // *Politicheskaya nauka* – Political Science. 2015. No. 3. Pp. 150–160.
15. Filimonov K. G. *Universitety v politike: k voprosu o perspektivah issledovaniya v oblasti politicheskoy teorii* [Universities in politics: on the prospects of research in the field of political theory] // *Vestnik SPbGU. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* – Herald of St. Petersburg State University. Series 6. Political Science. International relations. 2016. Is. 4. Pp. 44–55.
16. Shevelyov D. L. *Deklaraciya Bal'fura v sovremennom politicheskom narrative* [Balfour Declaration in the modern political narrative] // *Vostok (Orient)* – Vostok (Orient). 2018. No. 6. Pp. 91–104.
17. Epshtejn V., Urickij M. *Problema palestinskih bezhencev: Istoriya, istoriografiya i politika* [The problem of Palestinian refugees: History, historiography and politics] // *Kosmopolis. Osen' 2003* – Cosmopolis. Autumn 2003. No. 3 (5). Pp. 63–77.
18. Abu-Lughod I. *Palestinian Higher Education: National Identity, Liberation, and Globalization* // *Boundary*. 2000. Vol. 2. No. 27 (1). Pp. 75–95.
19. Abu-Saad I., Champagne D. *A Historical Context of Palestinian Arab Education* // *American Behavioral Scientist*. April 2006. Vol. 49. No. 8. Pp. 1035–1051.
20. *Academic Freedom under Israeli Military Occupation. Report of WUS/ICJ Mission of Enquiry into Higher Education in the West Bank and Gaza* / A. Roberts, B. Joergensen, F. Newman. London : World University Service and International Commission of Jurists, 1984. 87 p.
21. Assaf S. *Educational Disruption and Recovery in Palestine* // *Final Report and Case Studies of the Workshop on Educational Destruction and Reconstruction in Disrupted Societies* / ed. S. Tawil. Geneva : UN Educational, Scientific, and Cultural Organization, 1997. Pp. 51–61.
22. Baramki G. *Peaceful Resistance: Building a Palestinian University Under Occupation*. N. Y. : Pluto Press, 2010. 219 p.
23. *Birzeit University: The Story of a National University* / ed. I. Audeh // *Birzeit University Publications*. 2010. Available at: https://www.birzeit.edu/sites/default/files/university_publication/Birzeit-University-The-Story-of-a-National-Institution-EN.pdf (date accessed: 10.08.2023).
24. Coman A., Bonciu C. *Universities as Political Institutions* // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. March 2015. Vol. 6. No. 2. Pp. 9–17.
25. Dabed E. *Constitutional Making and Identity Construction in Occupied Palestine* // *Confluences Méditerranée*. 2013/3. No. 86. Pp. 115–129.
26. Hammond K. *Palestinian Universities and the Israeli Occupation* // *Policy Futures in Education*. 2007. Vol. 5. No. 2. Pp. 264–270.
27. *Israeli Military Orders in the Occupied Palestinian West Bank 1967–1992* / by J. Rabah, N. Fairweather. Jerusalem : Media & Communication Centre, 1995. 241 p.
28. Johnson P. *Palestinian Universities under Occupation, August – October 1987* // *Journal of Palestine Studies*. Winter 1988. Vol. 17. No. 2. Pp. 143–150.
29. Kapeliouk O. *The Palestinian Universities under Occupation* // *Arab Studies Quarterly*. Spring/Summer 1985. Vol. 7. No. 2/3. Pp. 88–91.
30. Kidron A. *When Colonialism and Nationalism Meet – but Speak a Different Language: The Case of Haifa during the British Mandate* // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2022. Vol. 4. No. 4. Pp. 559–579.
31. Kwiek M. *Higher Education and the Nation-State: Global Pressures on Educational Institutions* // *International Journal of Contemporary Sociology*. April 2008. Vol. 45. No. 1. Pp. 104–105.
32. *Mandate for Palestine. 1922*. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/829707> (date accessed: 10.08.2023).
33. Meari L., Abu-Duhou R. *The Palestinian Student Movement and the Dialectic of Palestinian Liberation and Class Struggles* // *The University and Social Justice: Struggles Across the Globe* / ed. A. Choudry, S. Vally. N. Y. : Pluto Press, 2020. Pp. 137–154.
34. *Missions of Universities: Past, Present, Future* / ed. L. Engwall. Springer, 2020. 238 p.
35. *Palestine Royal Commission Report Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty*. July 1937. London : His Majesty's Stationery Office, 1937. 404 p.
36. Shibib Kh. *From Higher Education in Historic Palestine Towards a Pan-Palestinian Higher Education* // *Contemporary Arab Affairs*. 2021. Vol. 14. No. 3. Pp. 21–54.
37. *State of Palestine's National Development Plan: Resilience, Disengagement, and Cluster Development towards Independence (NDP 2021–2023)*. Available at: <https://www.palgov.ps/en/article/296/Public-Policies-2021-2023> (date accessed: 10.08.2023).
38. *The Palestinian National Charter: Resolutions of the Palestine National Council*. July 1–17, 1968. Available at: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/plocov.asp (date accessed: 10.08.2023).
39. Zelkowitz I. *Education, Revolution and Evolution: The Palestinian Universities as Initiators of National Struggle, 1972–1995* // *History of Education*. 2014. Vol. 43. No. 3. Pp. 387–407.